

Н.А. Илюхина

Самарский государственный университет

ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЕНЕЗИСА КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ ЧЕРЕЗ ПОНЯТИЕ ГРАНИЦЫ

N. Iljuhina

Samara State University

INTERPRETATION OF THE COGNITIVE METAPHOR GENESIS THROUGH THE NOTION OF BORDER

Генезис когнитивной метафоры рассматривается на основе понятия границы – как результат трансформации метонимической модели в метафорическую модель. На примере ментальной модели «чувство – жидкость» показана метонимическая логика порождения тождества (переход межкатегориальной границы) и его метафорическое осмысление.

Понятие *граница* в разном терминологическом обозначении играет большую роль в лингвистических теориях, описаниях и исследованиях, оно заложено в принципах категоризации и систематизации языковых единиц и процессов. При этом как объект самостоятельного осмысления понятие границы выступает редко. Между тем данное понятие представляется продуктивным, в частности, в интерпретации генезиса когнитивной метафоры.

Под когнитивной понимается метафора, которая моделирует абстрактную реалию сквозь призму конкретной реалии, путем переноса свойств конкретного предмета на абстракцию. К когнитивным относятся метафоры, концептуализирующие такие области, как

время, внутренний мир человека, социальные феномены (власть, семья) и другие. Так, для образного моделирования сферы власти используются метафоры здания (*строить новое общество*), образ человека (*паралич власти*), для моделирования суточного времени – метафоры огня, перемещения (*вечер догорал, день уходил*), для моделирования эмоций – метафоры жидкости, огня, физического давления и др. (*кипели страсти, клокотал гнев, волнение сдавило горло*).

Когнитивная метафора во многих случаях восходит к метонимическому переносу. Прежде всего это относится к базовым, ключевым метафорам – образам, регулярно обслуживающим данную сферу и в этом смысле играющим роль способа категоризации соответствующих знаний при их оформлении в концепт. Сам факт устойчивости связи двух областей (области источника и области цели), отраженный в когнитивных структурах и в языке (ключевые метафоры «встроены» в структуру концепта), наводит на мысль о том, что эта связь не случайна, имеет прочную эмпирическую опору.

Кроме того, возникновение таких метафор (*вспыхнуло чувство, излил гнев; день склонялся к вечеру*) трудно объяснить действием собственно метафорического механизма: между *чувством* и *жидкостью*, между *временем* с его абстрактной сущностью и *огнем* сходство ощутить трудно, его можно лишь *задать* или *создать*. А наведение сходства, точнее – *создание тождества* между двумя реалиями, предопределяется их соположенностью в объективной действительности в рамках определенных ситуаций и вследствие этого отражается в сознании и речи в виде метонимических переносов.

Именно метонимия объединяет две несходные реалии в выражениях, фиксирующих их формальное тождество и, следовательно, *стирающих границы* между ними как принадлежащими к разным категориям в ментальном пространстве: *чайник кипит; кто-то на меня свое пальто повесил; ключ от Маргариты Васильевны; наш водитель на трассе сломался* (чайник = вода; водитель = автомобиль и т.д.). Почвой для массового возникновения подобных

выражений является *гештальтная* особенность восприятия мира сознанием – способность к *целостному восприятию* предмета и *организации знаний* о нем в памяти, когда *чайник и вода*; *человек и его одежда*; *кабинет, столоначальник* и *замок* от этого кабинета; *водитель и машина* – без специальной установки на их дифференциацию – *воспринимаются нерасчлененно, эмпирически целостно*. Причем акт отождествления двух разных реалий (в приведенных примерах – предметных реалий) лишен творческого начала и носит массовый характер.

Когнитивные метафоры возникают в аналогичных условиях *отождествления* двух *разных денотатов* (области источника и области цели¹: *чувства и жидкости*; *времени и огня* и т. д.) на основе *отношений смежности* между ними, т. е. в условиях, казалось бы, *предопределяющих метонимию*. Они ее и порождают, как увидим далее, но наряду с ней – и когнитивную метафору как следующий после метонимии когнитивный акт. Оба они представляют результат *снятия границы* между логическими категориями и последующего *осмысления* этой *границы*.

Показательно, что когнитивную метафору в таких случаях регулярно сопровождает лексическая метонимия. Это свидетельствует о том, что оба явления (когнитивная метафора и лексическая метонимия) возникают на основе отношений смежности между одними и теми же концептами. Образование той и другой связано с *переходом границы* между понятиями: *временем и огнем*, *эмоцией и жидкостью* и т. п. – установлением их тождества.

Покажем это на примере метафор жидкости в сфере эмоций. Мысль о роли метонимии в образовании метафор, характеризующих эту сферу, впервые высказал и показал на примере эмоции гнева Дж. Лакофф. Суть метонимического механизма образования метафор, моделирующих сферу эмоций, заключается в том, что «физиологический эффект эмоции заменяет саму эмоцию» [1, с. 494]. Все базисные для эмоциональной сферы метафорические модели, как показал проведенный нами анализ, возникают

¹ Хотя, если быть точной, то в рамках одной области, одной ситуации в ее восприятии человеком.

в результате метонимического замещения абстрактного элемента гештальта образным.

Начнем с частного факта. Так, слова *желчь*, *желчный* имеют два значения, которые именуют соположенные в восприятии человека денотаты и, следовательно, метонимически соотносятся между собой:

Желчь – 1) желто-зеленая горькая жидкость, выделяемая печенью. *Разлитие желчи*; 2) *перен.* раздраженное состояние, раздражение. *Сказать с желчью*.

Желчный – 1) см. *желчь*; 2) *перен.* раздражительный, злой. *Желчный тон. Желчный характер. Желчность* [2, с. 165].

См. примеры, в которых эмоциональное состояние передается по ассоциации с жидкостью: *Он высказал это сыну с желчью* (= с раздражением). *Он вылил свое раздражение на сына*. В первом предложении тип жидкости назван (*желчь*), во втором обозначен как жидкость вообще (*вылил*).

В этих выражениях, *отождествляющих* жидкость и чувство (жидкость = чувство), и содержится предмет наших рассуждений и интерпретации.

Можно предполагать, что первое выражение воспринимается аудиторией вероятно – скорее как метафора, хотя с учетом научной картины мира – вероятно, как метонимия; второе – как метафора. При этом мы обычно не задумываемся, что в основе второго выражения лежит представление о той же ситуации, произошла лишь мена слов *желчь* и *раздражение*. Эта мена осуществлена по логике метонимии, на основе *причинно-следственных* отношений, т. е. отношений соположенности: повышенное выделение желчи в кровь, как известно, способствует склонности человека к раздражительности. На основе последнего факта и образуется вторичное значение слов *желчь* и *желчный* (*желчный человек*), как и выражение *В нем много желчи*.

В аналогичном высказывании *обида по щекам не потечет* (О. Митяев) отождествлены слезы и обида (ср. выражение *слезы обиды*). Такое метонимическое отождествление нацеливает на по-

иск объективных ситуативных связей между обидой и слезами: слезы – один из способов переживания обиды, т. е. обида выражается в слезах. Перед нами пример оформления частной метонимической ментальной модели «обида – слезы» (выше приведенный пример представляет частную метонимическую модель «желчь – раздражение»).

А внешне похожее выражение *Обида выплеснулась в ссоре*, в котором обида отождествлена с неопределенной жидкостью (жидкостью вообще), сознанием воспринимается скорее как метафорическое², т. е. используется другая стратегия его дешифровки – поиск *сходства* между реалиями, относящимися к разным логическим категориям (объективная ситуативная связь между ними «не рассматривается»: жидкость осмысляется как условная модель (призма) интерпретации эмоции³). Так на базе отношений объективной смежности возникает когнитивная метафора.

Оценивая в целом линии объективной связи эмоций с жидкостью в рамках разных ситуаций, предопределяющие их соположенность в восприятии человека, которые могли послужить основанием для их метонимического отождествления, следует признать наиболее важной связь эмоций с соматическими жидкостями, прежде всего кровью и слезами, а также связь с хмельными напитками (эти связи актуальны не только в современной языковой картине мира, но, как показывают этимологические материалы, и в мифологической). В некоторых случаях наблюдаются почти буквальные лексические параллели, ср.: *клокочет кровь – клокочет гнев, бурлит кровь – бурлит страсть; нахлынули слезы – нахлынули чувства, выплакать горе*.

Таким образом, метафорическая модель «чувства – жидкость» метонимически предопределена телесными гештальтами⁴. О роли

² Хотя и в этом случае не исключена ситуация, когда ссора сопровождается слезами, но тем не менее скорее изливаемую жидкость мы представляем в виде метафорически изображенных эмоциональных, обидных слов.

³ Ср.: *проглотить обиду и проглотить слезы обиды* – за этими выражениями стоят разные значения, хотя можно предполагать, что первое восходит ко второму.

гештальтных связей в формировании когнитивных метафор свидетельствует то, что в большом корпусе фрагментов наблюдается связь метафор жидкости и «соматических жидкостей» в рамках близкого контекста, которую можно рассматривать как отражение эмпирической опоры метафор эмоций на представления о жидкостях, связанных в картине мира с эмоциональной сферой. Так, в приводимых ниже примерах образ жидкости как способ концептуализации эмоций опирается на обыденные представления о смежности между чувством и особенностями кровотока, чувством и слезами:

– чувства и кровь, которая маркируется словом *сердце*:
...И в сердце чувствую такой прилив любви... (Фет);

– чувства и слезы: *Тревога за жизнь любимого сверлила мозг, не покидала ее днями, наведывалась и ночью, и тогда то, что копилось в душе, взнузданное до времени волей, – рвало плотины: ночь, всю дотла, билась Аксинья в немом крике, в слезах...* (Шолохов); *Ты, чем психовать «всухую», приди домой и поплачь – выплесни обиду со слезами* (Комс. правда);

– чувства, слезы и кровь: *И между тем душа в ней ныла, И слез был полон томный взор. Вдруг топот!.. кровь ее застыла, Вот ближе! скачут... и на двор Евгений!* (Пушкин); *...И полон ум желаний и страстей, И кровь кипит – и слезы из очей...* (Лермонтов).

Как только происходит подмена (*желчь* → *раздражение*, или *кровь* → *страсть*, или *слезы* → *отчаяние/обида*), **характер границы** между конкретным чувством и конкретной жидкостью в таких выражениях *переосмысливается*: исчезает ощущение смежности между чувством и соматической жидкостью, которое было очевидно при воплощении образа лексемами *желчь, кровь, слезы*, и появляется ощущение метафорического соотнесения *эмоции во-*

⁴ Аналогичная картина нами установлена по отношению к другим метафорам, моделирующим эмоциональную сферу. Роль других типов гештальтов выявлена в сфере метафорического моделирования суточного времени, социальных реалий, интеллектуальных процессов – см. об этом наши работы, указанные в списке литературы.

обще с жидкостью вообще (не связанными отношениями смежности в рамках ситуации).

В дальнейшем при функционировании образа сознание актуализирует не роль соматической жидкости в организме и ее связь с эмоциями (что соответствовало бы метонимической стратегии порождения и восприятия высказывания), а свойства жидкости как таковой – движение, кипение, стихийная сила, недискретность и мн. др., т. е. следует метафорической логике интерпретации эмоций: *кипеть, поток, водопад, струиться, изливать* и др.

Так происходит трансформация метонимических ментальных моделей «желчь – раздражение», «кровь – страсть», «сильное чувство – слезы» в метафорическую ментальную модель «чувство – жидкость». К переосмыслению значения образа приводит утрата мотивации образа, и тогда более важной гносеологической операцией оказывается сравнение, направленное на порождение или дешифровку неявного смысла. Тем самым меняется *смыслопорождающий потенциал* ментальной модели.

Итак, образ жидкости – один из базовых образов, функционирующих в сфере эмоций человека на регулярной основе, – отражает отнюдь не только метафорический взгляд на эмоции: он фиксирует естественную смежность психологических и физиологических механизмов жизнедеятельности. Именно таким связям, актуальным для носителя языка, эти образы обязаны устойчивостью, регулярной воспроизводимостью, метафорической продуктивностью, широким лексико-семантическим варьированием, статусом базовой метафоры в сфере характеристики эмоций.

Таким образом, когнитивная метафора образуется путем неслучайного «наведения» сходства между двумя абсолютно несходными реалиями (одна из которых является абстрактной, другая – конкретно-предметной) – через установление тождества между ними метонимическим путем. Следовательно, метонимический механизм своеобразно предопределяет выбор образа, «подсказывая» способ концептуализации абстрактного понятия по образу и подобию смежной предметной реалии. Другими словами, проникнове-

нию образа в конкретную ментальную сферу (жидкости – в сферу эмоций, а также огня – в сферу суточного времени, вместилища – в сферу психики и т. д.) способствует (и предшествует) *метонимический сдвиг*, за которым следует *метафорическое осмысление его результата*. При этом метонимический сдвиг говорящим может не осознаваться. Незаметность смещения объясняется тем, что оно не имеет целью выражение нового смысла, а возникает вследствие действия закона экономии. Метафора же, в отличие от метонимии, является целенаправленным актом, имеет творческий характер – направлена на создание нового смысла, обогащает структуру соответствующего концепта, имеет существенное гносеологическое значение и потому не остается незамеченной.

Генезис когнитивных метафор, связанный с физиологической основой эмоций и с отражением их причинно-следственных связей, убедительно подтверждает фразеология. Своеобразие категоризации знания, запечатленное фразеологической единицей (ФЕ), делает фразеологию объектом, чрезвычайно информативным при реконструкции происхождения когнитивной метафоры. Если лексические значения, важные для этого, нередко устаревают и не сохраняются в современном языке, то фразеология консервирует в своем составе слова с устаревшими метонимически производными значениями и, кроме того, запечатлевает принципиально важный переход от буквального значения выражения – через формирование синкретического фразеологического значения этого выражения – к метафорическому.

Фразеологизмы в застывшей форме сохраняют исходные мотивирующие связи между двумя областями – эмоциями и кровью, или слезами, или вином.

Так, названные далее ФЕ обнажают связь кровотока и сильных чувств и позволяют утверждать, что такие метафоры имеют метонимические корни: *кровь бросилась в голову* кому-л. («кто-л. пришел в исступление, сильное возбуждение и т.п.»); *кровь бросилась в лицо* кому-л. («кто-л. покраснел от стыда, смущения, досады»); *кровь кипит (горит, бурлит)* в ком-л. («кто-л. испытывает силь-

ное волнение, охвачен страстью, порывом чувства и т.п.»); *кровь стынет (леденеет, холодеет) в жилах* у кого-л. («кто-л. испытывает чувство страха, ужаса»); *сердце кровью обливается* у кого-л. («кому-л. невыносимо тяжело от душевной боли, чувства сострадания, жалости, щемящей тоски и т.п.»); *портить кровь* кому-л. («причинять неприятности, огорчения»); *портить себе кровь* («нервничать, раздражаться, огорчаться») [3].

Аналогично выглядит в сфере фразеологии связь эмоций и слез как одной из форм их проявления: *излить горе в слезах; выплакать горе; утопать в слезах; лить слезы (в три ручья); обливаться (умываться) слезами* («безутешно плакать»); *не осушать глаз* («не переставать неутешно плакать; много, часто плакать»); *осушить слезы; хоть плачь* («выражение отчаяния, бессилия»). Указанные фразеологизмы, как и лексемы *плакать* «проливать слезы (от горя, боли и т. п.)», *рыдать, слеза* («...вызывается печалью, жалостью, а иногда и нечаянной радостью, или вообще сильным чувством» [4, с. 219]), одновременно указывают на физиологическое и на эмоциональное состояние, которое нередко прямо называется в контексте: *плакать от жалости, от обиды*.

Таким образом, в категоризации эмоций посредством фразеологизмов фрагмент языковой картины мира запечатлен в нетрансформированном виде.

Обратимся к материалу, в котором обнажается процесс трансформации буквального значения в метонимически производное и затем – в когнитивную метафору. Первичный фразеологизм *наливаться кровью* характеризует одновременно и эмоциональное состояние, и его физиологическое проявление, демонстрируя объективную связь между ними, а производное выражение *наливаться гневом* теряет исходную мотивацию, превращается в когнитивную метафору – воспринимается как результат переноса с неопределенной жидкости (конкретной реалии) – на гнев (абстрактную реалию), между которыми устанавливаются отношения сходства. Объективно находясь в отношениях метонимической производности, имена двух реалий (эмоции и жидкости) в составе мето-

нимически производного устойчивого словосочетания маркируют когнитивную метафору. Так на базе выражений, фиксирующих физиологическую связь эмоций, формируется метафорическая модель жидкости, обладающая регулярной воспроизводимостью и имеющая тенденцию к развертыванию.

Процесс трансформации лексической метонимии в метафору – с заменой лексем *кровь*, *слезы*, *сердце* названиями чувств – наблюдается во фразеологии довольно часто, см. также следующие примеры:

портить себе кровь («нервничать, раздражаться, огорчаться») → *портить себе настроение*;

кровь кипит → *страсть кипит*;

хлынули слезы – *хлынули чувства*;

держат на кого *сердце* → *держат на кого обиду, злость*;

срывать сердце на ком → *срывать на ком свой гнев, раздражение, зло, плохое настроение*;

с легким / тяжелым сердцем → *с легким / тяжелым чувством*;

в сердцах («в порыве гнева, раздражения») → *в раздражении, в гневе*;

с сердцем («в гневе, сердито») → *с гневом, с раздражением*.

Обратимся к интерпретации выявленной картины генезиса когнитивной метафоры на основе понятия *граница*. И метонимия, и метафора образуются в результате межкатегориального перехода («категориальной ошибки», по Н.Д. Арутюновой). Как известно, любое «нарушение границы» в лексике и грамматике порождает новый смысл. Когнитивная метафора, как было показано, есть также результат межкатегориального перехода – снятия границы между категориями в форме их отождествления и результат специфического «ошибочного» его переосмысления: порождение выражения тождества по метонимической логике и его трансформация в метафорическое тождество. Теоретически интересно разное осмысление *типа нарушенной границы*, связанное с разными когнитивными механизмами и с разными смыслопорождающими

стратегиями: ощущение естественной смежности отсылает к объективной ситуации, а отсутствие ощущения естественной смежности двух отождествленных реалий отсылает к ситуации гипотетического их сопоставления.

Межкатегориальный переход метонимического типа происходит почти незаметно для говорящего, без явно ощутимых семантических последствий, поскольку новое значение – метонимически производный ЛСВ – именуется компонент той же ситуации, в которой связь между кровью и чувствами, слезами и чувствами оказывается очевидной, зафиксирована гештальтным образом. При осмыслении метонимического факта мы обращаемся к обыденным и научным знаниям об *объективной связи* двух реалий.

Во втором случае, когда результат метонимического снятия границы в форме тождества «ошибочно» интерпретируется как *метафорическое отождествление* двух реалий, включается иная стратегия смыслопорождения – знания об объективной связи жидкости и эмоций остаются невостребованными и реалии *сравниваются*, при этом одна реальность используется как метафорическая призма для интерпретации другой.

Библиографический список

1. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986. 797 с.
3. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И.Молоткова. – 4-е изд., – стереотип. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978–1980. Т. 4. 683 с.